

Е. В. Антошина

Томский экономико-юридический институт

**«Другие миры»
в прозаических сюжетах В. В. Набокова и Г. Дж. Уэллса**

В. В. Набоков называл многие из романов Г. Дж. Уэллса своими любимыми книгами. Общей темой произведений В. В. Набокова и Г. Дж. Уэллса являются «другие миры», возникающие как результат относительного восприятия пространства, времени, языка и культуры. Для восприятия альтернативной реальности на месте существующей, а также реальности, ветвящейся непредсказуемыми «ходами», необходимо сознание, адаптированное к идее множественности мира. Поэтому В. В. Набоков и Г. Дж. Уэллс исследуют возможности человеческого восприятия. Смыслы, «привязанные» к событию, произошедшему одновременно в нескольких временах и вариантах пространства, невозможно выразить на одном языке, и герои романа В. Набокова «Ада или страсть: Семейная хроника» говорят на нескольких языках, вставляя в свою английскую речь русские и французские слова. Однако этого также оказывается недостаточно. Герои стремятся жить чувственными ощущениями, которые лишены содержания вне переживания счастья.

Ключевые слова: Набоков В. В., Уэллс Г. Дж., русская литература XX в., английская литература XX в., сюжет.

С момента выхода в 1999 г. монографии В. Е. Александрова «Набоков и постусторонность: метафизика, этика, эстетика» в набоковедении укрепилось представление о том, что Набоков как наследник русского символизма воспроизводил в сюжетах своих романов идею о раздельном существовании миров материального и идеального. Как отмечает исследователь, «именно символизм проповедовал такой тип метафизического дуализма или отделение видимых явлений от “высшей” духовной реальности, который лежит в основе набоковского подхода к постусторонней действительности» [Александров, 1999, с. 257]. В. Е. Александров своей монографией пытается опровергнуть другое укоренившееся мнение о Набокове как «творце металитературы». Очевидно, говоря о металитературе, В. Е. Александров имел в виду распространенный подход к текстам Набокова, который развился в рамках представлений об «интертекстуальной» природе художественного текста. Эта идея, в свою очередь, тесно связана с теорией гипертекста. Представление о гипертексте как о нелинейном, разветвляющемся тексте,

Антошина Елена Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общобразовательных дисциплин Томского экономико-юридического института (Московский тракт, 2Г, Томск, 634050, Россия; agancia@mail.ru)

который можно читать в любом направлении, переходя произвольно по ссылкам от одного фрагмента к другому, возникло в ходе разработки «гипертекстовой машины» В. Буша в 1945 г. [Bush, 1945], а также в работах Т. Нельсона, написанных в начале 1980-х гг. [Nelson, 1974; 1981].

В рамках данного подхода художественный текст представляет собой фрагмент метатекста, содержащего ссылки на другие произведения, воспринимаемые как «ключи» от шифра, которым представляется исходный текст. Однако, исходя из идеи гипертекста, смысл исходного текста относителен и результат интерпретации зависит от той конфигурации цитат, которую наблюдает исследователь.

Теория гипертекста описывает ситуации, когда иерархия и обусловленность относительны. В. Е. Александров видит мир Набокова как структуру с жесткой иерархией смыслов: «Под “метафизикой” я понимаю веру Набокова в вероятное существование трансцендентального, нематериального, вневременного, благорасположенного, упорядоченного и привносящего порядок бытийного пространства, каковое, судя по всему, обеспечивает личное бессмертие и оказывает универсальное воздействие на посюсторонний мир» [Александров, 1999, с. 10].

Прояснить вопрос о «потусторонности» можно, на наш взгляд, принимая во внимание не только литературные контексты (В. Е. Александров говорит о влиянии на Набокова А. Блока), но и актуальные дискурсивные ряды, которые также были восприняты Набоковым в период формирования его писательского дара. Так, на уровне мотивов очевиден интерес Набокова к психиатрии, явлениям медиумизма, раздвоения личности, гипнозу и одержимости. Все эти явления, на первый взгляд, позволяют говорить о наличии потустороннего мира, из которого являются души умерших, вещающие устами медиумов на спиритических сеансах. Однако отношение к потустороннему миру в прозе В. Набокова значительно отличается от того, которое можно встретить в лирике А. Блока. Герои Набокова обладают способностью входить в другие миры (в картину, рассказ «Венецианка»), они смотрят на мир живых глазами умерших (роман «Прозрачные вещи»), находят знаки-послания от умерших (рассказ «Сестры Вейн»), однако никаких «откровений» из потустороннего мира они не получают, даже если случайно входят в медиумический транс (рассказ «Ultima Thule»). Сочетание идей о ветвящихся мирах, о вариантах реальности, сосуществующих в одном пространстве, об относительности языка, понимания и мышления, о пограничных состояниях перехода из одного варианта реальности в другой Набоков нашел у Г. Дж. Уэллса, предвосхитившего многие идеи XX в. в своих рассказах и романах.

В интервью А. Аппелю в августе 1970 г. В. В. Набоков отметил как свои любимые романы Г. Дж. Уэллса «Машина времени», «Война миров», «Человек-невидимка», «Первые люди на Луне» и «Земля слепых» [Набоков о Набокове..., 2002, с. 311]. В отличие от многих других писателей, знакомство с творчеством которых В. В. Набоков отрицал, Г. Дж. Уэллс предстает исключением. В январе 1914 г. Г. Дж. Уэллс посетил Россию и в Петербурге был приглашен на обед к Набоковым. Личное знакомство с писателем произвело на четырнадцатилетнего В. Набокова настолько сильное впечатление, что он прочитал все его книги из библиотеки своего отца [Бойд, 2010, с. 212]. В эссе 1946 г. «Наш друг Герберт Уэллс» Синклер Льюис писал об огромном влиянии книг и личности Уэллса на поколение 1910-х гг. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть творчество Г. Уэллса в качестве элемента литературного дискурса, в котором сформировалась проза В. В. Набокова.

Посещение другого мира является одним из самых часто встречающихся сюжетных ходов в прозе Г. Дж. Уэллса. Существует множество вариаций сюжета. В некоторых случаях герой находится на прежнем месте, в то время как его глаза видят другую реальность («Замечательный случай с глазами Дэвидсона», 1895),

герои находят предмет-посредник, сквозь который наблюдают другой мир («Хрустальное яйцо», 1897), входят в незнакомую дверь («Дверь в стене», 1906). Случаи перемещения в космическом пространстве («Первые люди на Луне», 1901) встречаются сравнительно не часто. Однако посещение «другого мира» в прозе Г. Дж. Уэллса ценно не только как необычный опыт, оно тесно связано с темой счастья. Для этого, как правило, человеку и необходимо выйти за рамки имеющихся у него возможностей, переместиться в другой мир (на Луну), стать невидимым, научиться делать алмазы. Подобное преодоление различных природных ограничений человека часто совершается с помощью науки, но научные и технические достижения в мире романов Г. Дж. Уэллса играют вспомогательную роль, а на первом плане оказывается нравственный эксперимент. Писателя интересовали также «параллельные измерения» человечности, при этом достаточно часто эксперименты с посещением «других миров» приводят героев к душевному потрясению или гибели.

Человеческая природа ограничивает возможности восприятия «других миров», которые в некоторых случаях предстают гармоничными и прекрасными. По причине этой ограниченности счастье оказывается недостижимым. В той же степени ограниченными оказываются и человеческие возможности понимания устройства другого мира и его обитателей («Первые люди на луне»). В некоторых случаях конфликтующие «картины мира» грозят героям гибелью («Джимми пучеглазый бог», 1898). Однако перелет в космическом пространстве позволяет пережить относительность времени: «Мне казалось, что я все расту и расту, что я неподвижен, что я вишу среди звезд, но все время я помнил о ничтожестве Земли и моей жизни на ней» [Уэллс, 1964, с. 133]. В последнем примере очевидно, что человек, с точки зрения Уэллса, способен пережить если не счастье, то необычное состояние, расширяя границы своей восприимчивости.

Неожиданные метаморфозы восприятия мира, обусловленные новыми способностями, которые обретают герои романов и рассказов Г. Дж. Уэллса, позволяют показать новый опыт человечности. В. В. Набоков воспринял в прозе Уэллса это направление развития сюжета, так как описания научных экспериментов интересовали его, очевидно, в меньшей степени несмотря на то, что в романе «Ада» автор описывает несколько приборов фантастического устройства. Эксперименты по расширению диапазона человечности органично вписываются в сюжет «Ады», который построен на идее переплетения множества реальностей.

Роман «Ада, или Страсть: Семейная хроника» (1963–1968) можно считать произведением, в котором интерес В. В. Набокова к возможным сценариям развития человека и общества проявился с наибольшей силой. Целью существования человека для В. В. Набокова являлось достижение счастья, понимаемого как гармоничный расцвет человеческой личности, которая обрела глубокий контакт с миром, о чем свидетельствует и стихотворение 1953 г. «Минуты есть: «Не может быть, – бормочешь...» [Набоков, 1997, с. 446]. В романе «Ада» В. В. Набоков показывает взаимопроникновение миров райской Терры и демонической Анти-терры, или Демонии. Герои романа балансируют на границе двух миров. Райская Терра дает возможность достижения полного счастья. Счастье связано с возможностью получения чувственных наслаждений, которые предполагают наличие идеального партнера. Ван Вин обретает такого партнера в Аде Вин. Они единственная в своем роде, усовершенствованная пара, которой доступно не только знание о существовании райской Терры, но возможность пережить эффект присутствия на Терре. Когда Ада и Ван оказываются вместе, Терра «проступает» сквозь контуры Демонии. Таким необычным образом герои путешествуют из одного мира в другой, не прибегая к помощи различных аппаратов для перемещения в космосе, обычных для фантастических романов.

Одной из метафор, выражающих идею усовершенствования человека, в романе является биология. Интерес Ады к ботанике и лепидоптерологии является знаком присутствия в произведении «викторианского» дискурса. Ада интересуется орхидеями, пишет их акварелью, собирает образцы. Орхидеи приобрели необыкновенную популярность в Великобритании именно во времена королевы Виктории, благодаря экспедициям «охотников за растениями». Орхидеи привозили со всех концов света, таким образом, экзотические цветы воспринимались как посланники других миров, как невиданные ранее образцы возможностей природы, иногда как таинственные и зловещие создания, как в рассказе Г. Дж. Уэллса «Странная орхидея» (1894). В то же время орхидеи оказались растениями, на которые обратил внимание Чарльз Дарвин во время своего путешествия на корабле «Бигль» и посвятил этим растениям книгу «Приспособления орхидных к опылению насекомыми» (1862). Орхидеи представлены множеством разновидностей, и пластичность их форм связана со способностью реагировать на особенности строения опыляющего насекомого. В монографии «Этюды о природе человека» (1903) И. И. Мечников описывает механизм оплодотворения орхидей как образец гармонии, которая является естественным условием счастья: «Желая представить читателю пример наиболее совершенной естественной гармонии, мы выбрали механизм, посредством которого оплодотворяются цветы половые органы растений. У последних жизнь всегда обеспечена паразитическими по своему совершенству аппаратами и отправлениями» [Мечников, 1961, с. 81].

Мечников считал, что человек как вид способен к изменениям и достижению гармонии и счастья, подобного тому, какое можно наблюдать в мире растений на примере орхидей. Так, тема возможностей человека в плане его дальнейшей эволюции или сознательного усовершенствования задана в романе Набокова через актуализацию символов естественнонаучного дискурса, сложившегося в начале 1900-х гг.

В романе В. В. Набокова одной из важных является тема долголетия, которая также входит в ряд тем, связанных с идеей усовершенствования человеческой природы. Ван и Ада проживают долгую жизнь, что является одним из признаков достигнутой ими гармонии. Важную роль играет также тема необыкновенной совместимости Вана и Ады в плане сексуальных отношений. Они являются «королевской четой», парой, которая максимально реализует возможности своего вида. В определенном смысле Ада и Ван могут восприниматься как существа, вышедшие за пределы вида, поскольку они представляют собой не просто пару, но являются родными братом и сестрой, а также несут в себе черты андрогина. В плане футурологических интересов В. В. Набокова сюжет инцеста может восприниматься как эксперимент с возможностями человеческой природы. И. И. Мечников в названной работе исследовал некоторые изменения в физиологии человека, связанные с особенностями социальных установлений, однако препятствующие достижению естественного гармоничного и счастливого состояния. Так, например, продолжая рассуждать о гармоничном оплодотворении в мире орхидей, он проводит параллели с обычаями первобытных обществ, в которых практиковалось очень раннее вступление в брак и ранние роды, протекающие, по некоторым данным, представленным в исследованиях начала XX в., более гармонично. Ван и Ада в романе В. В. Набокова реализуют эту идею Мечникова, становясь любовниками в очень раннем возрасте.

Сложное человеческое существо, которым являются Ван и Ада, необходимо В. В. Набокову для того, чтобы показать возможности человеческой психики в процессе восприятия реальности в ситуации, когда произошло осознание относительности пространства, времени, символов культуры и языка.

Психика отдельного человека оказывается менее устойчивой, чем психика сложных человеческих существ, которые появляются в рассказах В. В. Набокова «Фрагменты из жизни чудовищной двойни» (1950) и «Сестры Вейн» (1951). В первом В. В. Набоков описывает сознание сиамских близнецов, которые ощущают себя и в телесном смысле, и в душевном как «целостность и норму», в отличие от обычных людей, утративших своего двойника. В рассказе «Сестры Вейн» новое человеческое существо состоит также из двух половин – это Сибилла и ее умершая сестра Синтия, в данном случае возникает гармоничная картина единой реальности, где живущий и умерший могут составить пару. Такая же пара возникает и в романе «Ада» – это Марина Дурманова и ее умершая сестра-близнец Аква. Ада и Люсетт также потенциально составляют подобную пару, однако их единство нарушено присутствием Ванна, и попытка составить триаду оказывается неудачной. Образование новых существ сопряжено с болезненными трудностями, например, Аква постепенно сходит с ума и погибает, так как в ее сознании разрушены границы между нею самой и сестрой. Аква отчасти оказывается жертвой заговора Марины и Демона Вина, которые пользуются ее болезненным состоянием для того, чтобы скрыть свою любовную связь.

В трудах психиатров на протяжении XVIII–XIX вв. обсуждались возможности сознательного вторжения в человеческую психику, однако В. В. Набокова в данном случае интересует не насильственное овладение психикой другого человека, но именно неисследованные возможности психики, которые позволяют человеку воспринимать новые данности в самом себе и в мире в целом. Поэтому мотивы вторжения в чужое сознание, демонической одержимости, гипноза были использованы В. В. Набоковым как служебные. Ван и Ада являются ответом на вопрос о гармоничном сознании, достаточно пластичном, но устойчивом, которое способно воспринимать мир в его неопределенности и бесконечных метаморфозах. Решение проблемы связано с темой «Другого», который в данном случае остается «Другим» и в то же время является частью «Я», между ними нет дистанции, которая порождает неуверенность и переживание пустоты, как это происходит с родителями космического путешественника в рассказе «Ланс» (1951). В данном случае значимой оказывается связь родитель – ребенок, поэтому героев рассказа не спасает от чувства пустоты наличие супруга. Персонажем мировой литературы, который обладал тем же типом сознания, оставаясь в одиночестве, для В. В. Набокова была Алиса из сказки Л. Кэрролла.

В рассказах Г. Дж. Уэллса тема исследования возможностей восприятия и различных аномальных состояний представлена очень широко. Такие рассказы, как «Чудотворец» (1898), «Правда о Пайкрафте» (1903), «Неопытное привидение» (1902) и многие другие, содержат описания необычного опыта, полученного людьми в результате непредсказуемого изменения статуса реальности или свойств восприятия. В структурном отношении важно, что такие изменения принципиально не объясняются рассказчиком, несмотря на то, что попытки объяснения могут присутствовать у других героев рассказа. Склонность реальности к необъяснимым метаморфозам узаконена также спокойным, обыденным тоном рассказчика, им же она утверждается как вариант некоей новой нормы, обстоятельства, которое постепенно становится все более очевидным. В большинстве случаев герои Уэллса воспринимают новое состояние реальности и свое собственное новое состояние достаточно бесконфликтно, им удается быстро адаптироваться к произошедшим переменам, что говорит о пластичности сознания. Например, герой рассказа «Неопытное привидение» не только беседует с призраком, утешает его и помогает, но и сам воспроизводит движения, с помощью которых привидение перешло границу между миром мертвых и миром живых. Эта черта оказывается общей для Уэллса и Набокова, оба писателя изображают дополни-

тельные возможности человеческой психики, утверждают ее пластичность и устойчивость в ответ на непредсказуемые изменения реальности.

Относительность реальности, подвижность ее границ дана в романе Набокова как в образах пространства, так и в образах времени. Для произведений в жанре фантастики характерно перенесение места действия в необычное пространство, например, другой планеты, что есть и в романе Г. Дж. Уэллса «Первые люди на Луне». Однако в рассказах представлен другой тип превращения пространства – его разветвление. В таких рассказах Уэллса, как «Волшебная лавка» (1903) и «Дверь в стене», метаморфозы пространства начинаются непосредственно за открытой дверью. В романе В. В. Набокова показаны как ветвление и наслоение пространств, которые в результате складываются в сложную многомерную структуру, так и параллельные пространства Терры и Антитерры. Россия, «романтический синоним Эстотии, американской провинции», существует так же, как Татария, и отстоит от Эстотии на двести лет исторического времени. Эстотия и Татария являются не зеркальным отражением друг друга, но вариантами одного и того же мира, которые существуют в разных пространствах. Рассказчик сравнивает их с двумя шахматными партиями «с одинаковыми дебютами и одинаковыми конечными ходами», которые «могут ветвиться бесчисленными вариантами – на одной доске, но в двух головах – на любой из промежуточных стадий их неотменно сходящегося развития» [Набоков, 1999, с. 28]. Здесь, как и в случае представлений В. В. Набокова о потустороннем, возникает картина разделенных во времени, но в то же время слитых воедино миров.

Для восприятия альтернативной реальности на месте существующей, а также реальности, ветвящейся непредсказуемыми «ходами», необходимо сознание, адаптированное к идее множественности мира, поэтому террологией в романе Набокова занимаются психиатры, одним из которых и является Ван Вин. Исследования Вана в области террологии связаны с его «страстью к безумию», эта страсть была подобна той, «которую некоторые питают к арахнидам и орхидеям». Упоминание в одном ряду арахнидов и орхидей может восприниматься как прямая отсылка к контексту рассказов Г. Дж. Уэллса «Странная орхидея» и «Долина пауков» (1903) и в целом дискурсивной отсылкой к теме изменчивого и многовариантного мира. Терра Прекрасная является одним из наиболее непроясненных образов романа Набокова. Область Терры представлена возможностями человеческого сознания и способами мышления о мире. В некоторых случаях райская Терра, где обитают ангелы, противостоит Демонии (или Антитерре), населенной демонами. Такой предстает эта планета в сознании людей, верящих в посмертное райское блаженство. В восприятии Вана Терра является миром-вариантом Демонии, подобно Эстотии и Татарии, такой он описывает ее в повести «Письма с Терры». Еще один вариант Терры – это образ альтернативного мира, принадлежащего сознанию отдельной личности, которая может поместить его как в космическом макропространстве, так и в микромире тончайших впечатлений.

В данном случае произвольный контакт с Террой позволяет личности расширить границы восприятия. Терра может восприниматься как приглашение, подобно зеленой двери в стене из рассказа Г. Уэллса «Дверь в стене». Таким же «приглашением» можно считать хрустальный шар из рассказа «Хрустальное яйцо». Герои Уэллса, как правило, используют приглашение для того, чтобы войти в пространственно-соположенный вариант реальности. Структурное значение в данном случае имеет сам факт приглашения, данного герою как возможность нового опыта. Поэтому В. В. Набоков, еще в меньшей степени, чем Уэллс в названных рассказах, описывает подробности альтернативных миров. Эти миры достраиваются каждый раз иначе, в зависимости от возможностей восприятия и состояния человека. В романе Набокова описан также эксперимент по созданию

рукотворных альтернативных миров – это подобия райской Терры флорамуры, однако эти рукотворные миры недолговечны и не приносят подлинного счастья, так как оставляют впечатление иллюзии, подделки. Состояние вдохновения, по меньшей мере, возникает в результате осознания присутствия «зеленой двери» или хотя бы периодического ее возникновения на прежнем месте. Приглашением для Вана в романе Набокова является Ада.

Эксперименты Г. Дж. Уэллса со временем носят более умеренный характер по сравнению с Набоковым. Если Уэллс воспроизводил популярную у современников идею о том, что время является четвертым измерением пространства, то Набоков описывает время как не зависящее от пространства. Ван утверждает преобладание перцептуального времени, отказывая в объективном существовании «универсальному времени». Перцептуальное время принадлежит личности, которая свободна беспрепятственно перемещаться в нем в любой момент прошлого. По мнению Вана, будущее принесет человечеству новые возможности эволюции, создаст виды «*novo-sapiens*», которые смогут «упиваться иными разновидностями существования и сна, никак не связанными со свойственным человеку понятием Времени» [Набоков, 1999, с. 512]. Ван пытается представить себе «отвергнутые мутации времени», его разновидности, эволюцию. Он рассматривает «первичную форму времени», где прошлое и настоящее практически не отличаются друг от друга. События прошлого и настоящего могут восприниматься в этом случае как происходящие одновременно, поэтому, несмотря на долгие годы разлуки, Ван вновь и вновь встречает Аду такой, какой впервые увидел ее в Ардесе. Отличие прошлого состоит в способности накапливать смыслы. Однако эти смыслы не означают, что существует единая разновидность прошлого, произвольное передвижение во времени позволяет созерцать разновидности прошлого, с чем связана изменчивость воспоминаний.

Восприятие множественного времени и наслаивающихся вариантов пространства включает в себя также относительность восприятия различных знаков культуры и языка. Смыслы, «привязанные» к событию, произошедшему одновременно в нескольких временах и вариантах пространства, невозможно выразить на одном языке, поэтому герои романа говорят на нескольких языках, вставляя в свою английскую речь русские и французские слова. Невозможно однозначно воспроизвести события прошлого и смысл этих событий. Поэтому герои стремятся жить чувственными ощущениями, которые лишены содержания вне переживания счастья. Ван Вин сформулировал эту идею следующим образом: «Время, свободное от содержания, контекста и комментария, – вот мое время и тема» [Набоков, 1999, с. 515]. Таким образом, переживание счастья в романе Набокова предполагает свободу от истории, культуры, пространства, времени и языка, которые проявляют себя в виде жестких иерархий смыслов и последовательностей событий. «Другие миры», которые являются порождением относительности восприятия пространства, времени, языкового и культурного опыта, дают возможность пережить это чувство во всей его полноте.

Список литературы

- Александров В. Е.* Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика. СПб.: Алетейя, 1999.
- Бойд Б.* Владимир Набоков: русские годы. Биография: Пер. с англ. СПб.: Симпозиум, 2010.
- Мечников И. И.* Этюды о природе человека. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. М.: Изд-во «Независимая Газета», 2002.

- Набоков В. В.* Стихотворения и поэмы. Харьков: Фолио; Москва: АСТ, 1997.
Набоков В. В. Американский период // *Набоков В. В.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. СПб.: Симпозиум, 1999.
Уэллс Г. Дж. Первые люди на луне // *Уэллс Г. Дж.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 3. М.: Б-ка «Огонек»: Изд-во «Правда», 1964.
Bush V. As We May Think // *The Atlantic*. 1945. July.
Nelson T. H. Computer Lib/Dream machines. 1st ed. 1974.
Nelson T. H. Literary machines. 1981.

E. V. Antoshina

**«Other worlds»
in the plots of prose by V. V. Nabokov and H. G. Wells**

V. V. Nabokov listed many novels by H. G. Wells as his favourites books. The common theme of the works by V. V. Nabokov and H. G. Wells is «other worlds». «Other worlds» is the result of a comparative reception of space, time, language and culture. For the reception of an alternative reality in place of the existing one as well as a reality branching out via unpredictable passages it is necessary to have a consciousness adapted to the idea of the world multiplicity. That is the reason why V. V. Nabokov and H. G. Wells investigate the possibilities of human perception. If an event takes place simultaneously at several variants of time and space it is impossible to express this sense unambiguously. That is why the characters of V. V. Nabokov's novel «Ada, or Ardor: a family chronicle» are forced to speak several languages including Russian and French words into their English speech. However, even this proves to be insufficient. For this reason the heroes of Nabokov's novel focus on their sensory perceptions that are deprived of any "content" outside the feelings of happiness.

Keywords: V. V. Nabokov, H. G. Wells, Russian literature of the 20th century, English literature of the 20th century, plot.